

МИТРОПОЛИТЪ ПЛАТОНЪ какъ строитель національной духов- ной школы ¹⁾.

Двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, въ 1884 г., когда я былъ преподавателемъ въ здѣшней семинаріи, происходило торжество открытія общежитія въ Виѣанской семинаріи въ присутствіи многочисленныхъ гостей. Одинъ изъ присутствовавшихъ на торжествѣ гостей бывший профессоръ Одесскаго университета Ив. Устиновичъ Палимсестовъ, за братскою трапезою сказалъ: „я гость здѣсь званный. Но меня звать сюда и другой голосъ—голосъ сердца. Меня пригласилъ на праздникъ Виѣанской семинаріи архипастырь Мисаиль и, приглашая, прибавилъ: не скажу ли я чтонибудь? Признаюсь, нужно имѣть не малый запасъ смѣлости и владѣть не такими, во всякомъ случаѣ, устарѣвшими дарованіями, чтобы говорить тамъ, гдѣ вѣетъ духъ безсмертнаго Платона, гдѣ самые камни повторяютъ глаголы его могучаго слова, говорить въ учебномъ заведеніи, устроенномъ іерархомъ гениемъ“. Сегодня, въ день столѣтія со дня кончины генія іерарха, когда особенно вѣетъ его духъ въ основанной имъ Виѣаніи, нуженъ еще большій запасъ смѣлости, чтобы говорить не объ отличіяхъ англійской школы безголовыхъ, о чемъ говорилъ въ 1884 г. почетный старецъ профессоръ, а о самомъ Платонѣ, о его великомъ разумѣ, какъ онъ отразился въ устроеніи новаго разсадника духовнаго образованія въ Виѣаніи. Но я также гость званный: меня пригласила педаго-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ Виѣанской духовной семинаріи, 11 Ноября 1912 года.

гическая и ученическая корпорація здѣшной семинаріи сказать слово „въ освѣщеніе отношеній м. Платона къ возникновенію и жизни Виѣанской семинаріи“, какія отношенія указаны на страницахъ ея исторіи. Исполняя желаніе почтенной корпораціи Платоновой семинаріи и вмѣстѣ желаніе своего сердца имѣю честь предложить вниманію почитателей памяти безсмертнаго Платона свое историческое слово о немъ.

И прошу Вашего позволенія вмѣстѣ со мною изъ нынѣшней Виѣаніи перенестись въ ту Виѣанію, когда мужественный „великій въ предпріятіяхъ духъ“ Платона жилъ въ ослабленномъ болѣзнями и трудами тѣлѣ, когда этотъ духъ воздвигалъ въ пустынной Виѣаніи новый храмъ—храмъ науки и собранныя въ этотъ храмъ юные музы увидѣли своего отца на „западѣ дней своихъ, но продолжающаго *горѣть* на западѣ своемъ“.

У митрополита Платона въ Виѣаніи были любимыя мѣста, гдѣ въ лѣтнее время онъ любилъ проводить время, вдыхая ароматный воздухъ виѣанскихъ лѣсовъ. Онъ любилъ гулять въ роцѣ, противъ семинаріи, и эта роца, насаженная по преданію самимъ Платономъ, до сихъ поръ извѣстна подъ названіемъ Платоновской роци. У воротъ монастырскихъ стояла каменная скамья, на которой часто сиживалъ Платонъ съ богадѣленными старцами и любовался на высокой обрывистый берегъ Виѣанскаго пруда, отдѣленный отъ монастыря глубокимъ оврагомъ. Съ этого берега открывался самый красивый видъ на прудъ и красоту этого пруда—покрытый густою и непроницаемою растительностію таинственный островъ. Когда въ 1797 году присланъ былъ указъ императора Павла I-го объ открытіи въ Виѣаніи семинаріи, Платонъ на этомъ красивомъ берегу и рѣшилъ построить зданіе для семинаріи. Планъ семинарскаго корпуса, по указанію м. Платона составленъ былъ самоучкою архитекторомъ штатнымъ служителемъ Семеномъ Болдыревымъ. Этотъ планъ имѣлъ видъ начальной буквы имени учредителя Павла I-го и имени ея устроителя Платона и былъ историческимъ памятникомъ того, что мысль, педшая съ высоты престола отъ Царственнаго Ученика, направлялась къ достиженію той великой государственной задачи, къ чему направлена была и дѣятельность Учителя Государя—Платона „къ вящему рас-

пространенію преподаваемаго въ семинаріи Троицкія лавры ученія“, организованнаго духомъ Платона и даващаго благіе плоды въ жизни. Выполненіе этого плана въ техническомъ отношеніи представляло не мало затрудненій и мало знакомый съ техническимъ искусствомъ, не всегда трезвый Семень Болдыревъ оказался ненадежнымъ строителемъ, и лаврскимъ учрежденнымъ соборомъ изъ архитекторовъ низведенъ былъ въ конюхи. Митрополитъ Платонъ освободилъ его отъ конюшни, и самъ принялъ на себя обязанности архитектора. Ему въ это время было болѣе 60-ти лѣтъ, но при строеніи семинаріи онъ обнаружилъ удивительную юношескую энергію. Среди толпы рабочихъ нерѣдко можно было встрѣтить хозяина Виваніи—старца митрополита, который своею торопливою походкою обходилъ начатыя работы и своими хозяйственными распоряженіями руководилъ рабочими.

Въ постройкѣ новой семинаріи Платонъ нашелъ не одно только удовлетвореніе своей склонности къ хозяйству, но и новое возбужденіе для жизни своего творческаго духа. Еще семинарія не была выстроена, а уже стала любимымъ дѣтищемъ Платона потому, что съ самаго начала ея основанія, можно сказать, съ перваго камня, положеннаго въ основаніе новаго храма науки, Платонъ началъ осуществлять свою широкую идею школы *церковно-національной*. Эту идею онъ проводилъ въ организациі школъ, подчиненныхъ его управленію, но яркое, полное выраженіе эта идея нашла въ устройствѣ Виванской семинаріи и отраженіе глубокой идеи геніальнаго просвѣщеннаго русскаго ума можно усматривать въ подробностяхъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго строенія семинаріи.

Новый семинарскій корпусъ былъ красивымъ изящнымъ зданіемъ, отражавшимъ и присущее Платону чувство изящнаго и высоту его идейнаго духа. На томъ мѣстѣ гдѣ „дремучій лѣсъ стоялъ, гдѣ отъ зноя странникъ прохладу обрѣталъ“, появилось зданіе съ башнями по угламъ и полуциркулемъ посредицѣ, въ которомъ помѣщается парадная палата богословская или аудиторіумъ, украшенная бюстами барельефами. Этотъ замокъ имѣлъ парадный фасъ къ пруду, гдѣ тогда и дорога пролегала, а задній фасъ составлялъ ровъ съ подъемнымъ мостомъ.

Можно было думать, что это зданіе назначалось для обитанія рыцаря вельможи, а не для дѣтей сельскаго духовенства, преимущественно дѣтей сельскихъ причетниковъ, которые, по понятіямъ того времени, причислялись къ людямъ низкой *породы*. Изъ грязныхъ деревенскихъ изъ дѣти этой породы, по мысли основателя семинаріи, должны были переселиться въ рыцарскій замокъ и воспитываться въ сознаниіи своего благородства, человѣческаго достоинства, что служить первоначальною естественною основою нравственно-религіознаго воспитанія въ духѣ христіанства. Изящный корпусъ своимъ видомъ долженъ былъ содѣйствовать общей задачѣ воспитанія, намѣченной Платономъ—научать „лучшему между людьми обхожденію и пристойной смѣлости“. Высота сферы понятій Платона такимъ воспитаніемъ имѣла въ виду возвысить духовное сословіе въ обществѣ и измѣнить тотъ сословный безрелигіозный взглядъ, по которому духовныя лица, руководители вѣрующихъ и выразители ихъ религіознаго сознанія, причислялись къ *среднему* сословію. Когда къ веснѣ 1800 г. семинарскій корпусъ былъ оконченъ строеніемъ, мысль Платона нашла въ немъ свое выраженіе, онъ приходитъ къ мысли новой, что „не худо было бы помѣстить въ немъ Академію. Для Академіи было бы вполнѣ прилично зданіе, которое само наукъ-науку составляетъ. Учитель поэзій въ лаврской семинаріи, изобразяая красоту созданнаго въ Визаніи храма наукъ, писалъ:

Какая красота, какая стройность въ немъ! ¹⁾

Сей самый красивый домъ быть умнымъ научать ¹⁾.

Открытіе семинаріи 6 Августа 1800 г. совершилось торжественно по особому обряду и было непрерывнымъ священно-подѣйствіемъ, которое начавшись Божественною службою въ храмѣ Преображенія, продолжалось въ храмѣ науки. Юные музы, поселившіеся въ выстроенномъ для нихъ новомъ Пар-

¹⁾ Глубокая и изящная мысль Платона, выраженная въ постройкѣ изящнаго корпуса, понятая немногими его современниками, не понята была его потомками и не мало еще потребуется времени для проведенія въ жизни той истины, что изящество во вѣншей обстановкѣ имѣетъ такое же значеніе для семьи школы, какъ и для семьи дома, что возвышенныя мысли и чувства сообщаются не однимъ наставленіемъ, но и вѣншею обстановкою, дѣйствующею глубоко на широкую подсознательную область души.

насъ и одѣтые въ казакины изъ голубого сукна съ обшлагами изъ малиноваго, участвовали въ торжествѣ пѣніемъ радостнаго канта, и чтеніемъ стиховъ на трехъ языкахъ.

Послѣ окропленія зданія св. водою митрополитъ сказалъ краткую рѣчь, въ которой выразилъ мысль о неразрывной связи монастырскаго Преображенскаго храма съ храмомъ наукъ. Отверзая храмъ, приличный для Академіи и вводя въ него юношество, Платонъ изводитъ его изъ храма Преображенія, той, по его словамъ Академіи Христовой, гдѣ ректоромъ Самъ Христосъ. „Преобразившися на Фаворской горѣ Господь чуднаго свѣта Своего лучемъ коснулся и мѣста сего и оное преобразилъ Тайнственнымъ нѣкоторымъ образомъ вдохнулъ Онъ въ сердце благочестивѣйшаго монарха Павла перваго, дабы устроить изъ пустыни обитель и терніе ея обратить въ цвѣты и плоды просвѣщенія“. Широкая и тонкая мысль Платона объ обращеніи тернія пустыни въ цвѣты и плоды просвѣщенія была понята тонкимъ юношескимъ чутьемъ его юныхъ музъ. Широкій, свойственный юношеству синтезъ, доходящій всегда до корней, возводящій все, какъ говорили въ старицу, до Адама, припелъ къ той мысли, что въ Виваніи Платонъ „перехитрилъ“ природу, заставивъ ее служить общечеловѣческой цѣли—жизни, назначенной еще первому человѣку.

Гдѣ самовласная природа
Лѣсами заградила входъ
Для человѣческаго рода,
И тотъ лишь возрастила плодъ,
Которымъ въ непроходимой дебри
Гладь утоляютъ враны—звѣри:
Тамъ онъ природу перехитрилъ,
Въ блаженствѣ духъ свой успокоилъ:
А на буграхъ Олимпъ построилъ—
Свѣтильникъ знаній засвѣтилъ.

Платонъ, нашедшій въ мысляхъ тонкаго юношескаго пониманія отраженіе своихъ глубокихъ мыслей началъ юнѣтъ и всѣ силы своего ума сохранившаго огонь юности посвятилъ устройству научнаго образованія въ новомъ Олимпѣ.

Замѣчательную черту въ дѣятельности м. Платона, какъ администратора представляетъ то, что онъ любилъ регулировать жизнь подчиненныхъ ему учрежденийъ точными ин-

струкціями. Цѣль этихъ инструкцій состояла въ томъ, чтобы внести строгій порядокъ и единство въ жизнь этихъ учреждений и направить эту жизнь сообразно ихъ общей цѣли. Порядокъ обученія и воспитанія въ Виѣанской семинаріи подробно былъ опредѣленъ въ инструкціяхъ м. Платона. Эти инструкціи потеряли значеніе для нашего времени какъ неприменимыя къ жизни современной школы, но онѣ заслуживаютъ вниманія, какъ характерныя выразители духа Платона, выраженіе взглядовъ его самого и его лучшихъ сотрудниковъ на задачу и цѣль школьнаго духовнаго образованія. Время признало несовершенство этого образованія и многое въ немъ измѣнено послѣдующими духовно-учебными реформами, но мнѣ думается, что мысль нашихъ школьных реформаторовъ, совершивъ свой историческій кругъ, должна притти къ признанію истинности началъ, положенныхъ высокимъ православно-христіанскимъ разумѣніемъ Платона, въ основу духовнаго школьнаго образованія.

Духовная школа, предназначенная воспитывать просвѣщенныхъ разумомъ и сердцемъ богослововъ, давала и общее научное образованіе и богословское, при чемъ богословское образованіе было тѣсно связано съ общеобразовательнымъ курсомъ, и духовная школа отличалась отъ свѣтской болѣе широкимъ курсомъ богословскихъ наукъ, извѣстныхъ въ старой школѣ подъ названіемъ системъ. Но митрополитъ Платонъ въ изученіи этихъ системъ не видѣлъ надежнаго средства для образованія просвѣщеннаго богослова и, имѣя въ виду древнія школы христіанской церкви, сводилъ все богословское образованіе къ изученію только одного откровеннаго ученія—Св. Писанія. Въ своей инструкціи, какъ преподавать богословское ученіе въ Спасо-Виѣанской семинаріи, онъ писалъ, что „разныя системы богословскія, нынѣ въ школахъ преподаваемыя, признаются быть не нужными, или не полезными, ибо пахнутъ школою и мудрованіемъ человѣческимъ. А богословіе Христово, по Павлову ученію, состоитъ не въ препретѣльныхъ словахъ и не въ мудрости человѣческой, но въ явленіи *духа* и *силы*. Первый изобрѣлъ уже въ восьмомъ вѣкѣ систему Богословскую Іоаннъ Дамаскинъ; но прежде его бывшіе въ первенствующей церкви великіе Богословы и свѣтила церковныя, яко-то: Василій, Григорій, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій, Кирилль Іерусалим-

скій, Кипріанъ, Амвросій и многіе подобныя знаніе Богословія христіанскаго почерпали единственно изъ Слова Божія, упражняясь день и ночь въ испытаніи его и въ выраумѣннн его точнаго и таинственнаго смысла. И потому, въ сохраненіи сего святаго и мудраго порядка, Богословское ученіе полагаетъ единственно въ чтеніи и памятованіи и въ выраумѣннн Священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣтовъ, при руководствѣ разумаго и Богопросвѣщеннаго учителя. „Сводя все Богословское образованіе къ изученію жительнаго источника вѣры, Платонъ обличалъ духовную школу съ свѣтскою въ общихъ началахъ образованія. Имѣя въ виду, что конечною цѣлію всякаго образованія есть „удовлетвореніе естественнаго стремленія безсмертнаго духа къ блаженству“, Платонъ желалъ создать національную общую школу возведеніемъ академій на степень всеучилищъ, но такихъ, въ которыхъ знаніе свѣтскихъ наукъ не предпочиталось бы знанію Закона Божія, какъ началу премудрости и конечной общечеловѣческой цѣли жизни.

Характерную черту инструкцій, писанныхъ митр. Платонъ для Виѣанской семинаріи, составляетъ то, что онъ не расширялъ объемъ учебнаго курса, сообразно съ требованіями все болѣе расширяшагося научнаго знанія, а заботился объ основательномъ изученіи школьныхъ наукъ, о глубинѣ научнаго знанія, а не широтѣ. При своемъ практическомъ жизненномъ направленіи Платонъ судилъ о достоинствѣ научнаго знанія по тѣмъ плодамъ, какіе оно приносило въ жизни. Не много пользы отъ научнаго знанія, если оно не способствуетъ творческой дѣятельности ума, а подавляетъ ее, расточая умъ, если научное образованіе не способствуетъ развитію нравственныхъ качествъ, не создаетъ душевнаго устройства, которое выражается и въ устройеніи жизни по вѣчнымъ началамъ Слова Божія. Тонкій наблюдательный умъ Платона изъ широкаго жизненнаго опыта вынесъ такое убѣжденіе: „просвѣщенія слишкомъ много, разумѣю мнимаго, а начало премудрости—страхъ Господень уменьшается и порча нравовъ усиливается по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ оное просвѣщеніе мнимое“ ¹⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что мысль лучшихъ представителей современнаго научнаго знанія пришла къ тѣмъ же мыслямъ, какія въ концѣ XVIII в.

Внимательно слѣдя за жизнью подчиненныхъ ему школъ, Платонъ преимущественно обращалъ вниманіе на то, какой плодъ приносило въ питомцахъ семинарій даваемое имъ образованіе, помня слово Евангельское о томъ, что всякое древо познается по плодамъ его. Рассказываютъ, что присутствуя однажды при представленіи учениками комедіи, онъ составилъ очень неблагопріятное мнѣніе о студентѣ богословія, хорошо сыгравшемъ роль безбожника. Такіе отрицательные плоды отвлеченнаго изученія системъ о вѣрѣ, пахнувшихъ школою и мудрованіемъ человѣческимъ, и воспитанія нравоученіями, не нашедшими отклика въ сердцахъ, укрѣпили въ Платонѣ мысль, что сила обученія и воспитанія не въ силѣ одного наученія словомъ, но наученія живымъ примѣромъ. „Истинной мудрости, говорилъ онъ свойственно не словами, но дѣлами философствовать“. Истиннымъ философомъ Платонъ называлъ того, кто „дѣлаетъ правду и чувствуетъ въ себѣ духовную радость онъ незасорной совѣсти“.

Этой истинной мудрости училъ Платонъ учителей и учениковъ личнымъ вліяніемъ, являемымъ и въ словѣ и въ примѣрѣ. Мы не будемъ изображать отношеній Платона къ педагогамъ и питомцамъ Виѣанской семинаріи, которыя отмѣчены въ ея исторіи и глубоко охарактеризованы однимъ изъ воспитанниковъ здѣшней семинаріи, покойнымъ Харьковскимъ архіепископомъ Амвросіемъ въ словахъ: „къ нему можно отнести слова Ап. Павла: „хотя у васъ и тысячи наставниковъ, но не много отцевъ“. Дѣйствительно, отцевъ, какъ онъ, у насъ не много. Воспитанники Платона съ любовью вспоминали его и его время и, сравнивая его время съ послѣдующимъ, находили главный недостатокъ въ томъ, что школа, имѣя всевозможныя пособія, широкія программы наукъ, мало имѣла живыхъ людей, вліяющихъ на юношество заботливостію, любовію, благожелательствомъ, а главное, примѣромъ вѣры и добродѣтели.

высказывалъ нашъ великій іерархъ Платонъ. Мысль современныхъ ученыхъ пришла къ утвержденію, что скопленіе данныхъ наукъ въ ограниченномъ полѣ человѣческаго ума весьма опасно, потому что человѣческій мозгъ можетъ раздавиться собственной своею тяжестью, что человѣческой прогрессъ, основанный на одномъ только многознаніи, приведетъ людей къ нравственному одичанію, послѣ котораго не послѣдуетъ эпохи „возрожденія“.

Высшая христіанская добродѣтель, указанная въ Словѣ Божіемъ—самоотверженная любовь къ ближнимъ—во времена Платона признавалась главною *общественною добродѣтельною школы* и была девизомъ школы. Надъ воротами дома, въ которомъ помѣщалась Славяно-Греко-Латинская Академія, была картина, изображавшая горящую свѣчу съ надписью: *Non mihi, sed aliis*. По мнѣнію м. Платона „истинная слава состоитъ въ услугахъ другимъ, въ попеченіи о пользѣ общей въ подкрѣпленіи немощныхъ, въ заступленіи безсильныхъ“.

Къ самоотверженному служенію другимъ призывалъ и учителей и учениковъ своихъ школъ Платонъ, „распиравшій ихъ грудь“ отеческою любовью¹⁾. Онъ всемѣрно заботился о томъ, чтобы учителя наставляли юношей въ классѣ и внѣ, класса наставляли не столько словомъ, сколько примѣромъ своей жизни. „Наблюдайте сей долгъ предъ Богомъ всеприлежно, чтобы учителя не только учительствомъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставляли“, писалъ онъ академическому начальству. Изъ своей личной жизни Платонъ вынесъ убѣжденіе, что благодать въ немъ дѣйствовала болѣе, когда онъ юноша и мірской толковалъ питомцамъ, чѣмъ когда проповѣдывалъ слово Божіе въ санѣ архіерея. Это онъ „приписалъ умножившимся грѣхамъ, коихъ и толкиихъ еще въ юности своей не имѣлъ и поэтому всегда утверждалъ, что ученіе дѣлается дѣйствительнымъ „отъ чистоты и непорочности сердца учителей“. Въ своей педагогической дѣятельности Платонъ выразилъ мысль современной научной психологін, что сердечное чувство, сообщая тонкость, широту и глубину разсудочному пониманію, дѣлаетъ человѣка способнымъ къ постиженію истины и сообщенію ея другимъ. На лучшихъ учениковъ Платонъ возлагалъ обязанность воспитывать другихъ своимъ примѣромъ. „Чтобы худые имѣли себѣ къ подражанію примѣръ хорошихъ поступковъ, а отъ худыхъ удержаны были“, онъ постановилъ опредѣлять къ нимъ въ покой изъ постоянныхъ и прилежныхъ по одному или по два человѣка.

Педагогическая корпорація и лучшіе изъ учениковъ, по мысли м. Платона наставленіемъ, но болѣе примѣромъ хри-

¹⁾ Ода ученика Андрея Казанцева

стианскаго служенія истинѣ и добру должны были просвѣщать разумъ юношей истиннымъ свѣтомъ и сердцу ихъ „налагать надежныя предѣлы“, а духовное юношество, воспитанное силою добраго школьнаго вліянія предназначалось служить Христу, истинно и добромъ, духовному спасенію другихъ.

Современники м. Платона, глубоко увековивше взгляды его на духовное образованіе, въ своихъ произведеніяхъ поэтическихъ отмѣтили какія духовныя стремленія должно поражать это образованіе.

Гнушаюсь тѣхъ сердце, что мнѣ приносятъ страхъ;
 Летаю къ лаврамъ я, и прочь ихъ удаляюсь,
 Въ законахъ сильными я также не плѣняюсь;
 За пышнымъ же столомъ, за хлѣбомъ ли простымъ,
 Вездѣ мнѣ быть равно—со взоромъ лишь однимъ.
 Въ бумагахъ хитростныхъ скитаться ненавижу,
 Лишь только знатока надменнаго увижу.
 Дускай меня къ себѣ ученые зовутъ,
 Ласкаются ко мнѣ и гимны мнѣ поютъ;
 Но если ихъ перомъ корысть или гордость водить,
 Тогда ихъ чтить ничто меня не приневолитъ
 Мое сіяніе, мой волнующій духъ
 Мой рѣдко на землѣ гремящій стройный слухъ
 Такому смертному достойно принадлежить
 Кого не тонка страсть, не ломко счастье нѣжить;
 Но кто разсудокъ свой улучшилъ, просвѣтилъ
 Съ природой истинной, какъ должно, согласилъ;
 Кто сердцу положилъ надежныя предѣлы,
 И силенъ отражать—крушить разжены стрѣлы,
 Кто при величїи смиренны дни ведетъ
 И ближняго отъ слезъ, отъ вадоховъ бережетъ,
 Я жертвъ не требую, оltарь мой—сердце честно
 А лучшїй вѣнимъ познаніе небесно:

Воспитай человѣка въ сознаниі его человѣческаго богородобнаго достоинства, просвѣти, улучши его разсудокъ свѣгомъ православнаго христіанскаго разумѣнія согласно съ его природой и съ стремленіемъ къ небесному, сохрани чистое сердце—стойкое въ борьбѣ со зломъ, способное къ дѣягельной любви и этимъ воспитаешь истиннаго христіанина—къ этому было направлено образованіе и воспитаніе въ духовныхъ школахъ Платоновскаго времени.

Однимъ изъ могучихъ средствъ для воспитанія просвѣщенныхъ богослововъ сердцемъ и разумомъ, возвышеннаго въ нихъ настроенія Платонъ признавалъ развитіе въ юношахъ чувства красоты, чувства эстетическаго. Педагогика времени м. Платона еще не дошла до мысли о тѣсной связи высшихъ чувствъ; религіознаго, нравственнаго и эстетическаго, но высота сферы понятій Платона и отчасти и преданія старой школы привели его къ убѣжденію, что искусство имѣетъ высокое образовательное значеніе въ религіозномъ образованіи человѣка. Поощряя всячески развитіе поэтическаго дара въ питомцахъ, какъ средства къ возвышенію духа и услажденію въ горестяхъ жизни онъ отмѣчалъ вліяніе поэзіи и на себя самомъ. „Когда бродилъ я по пустыни Виѣанской и гулялъ грустный и отягченный старостію, вдругъ ободряющъ прелестію новой музыки и плѣненный ея пріятностію, повидимому, начинаю юнѣть, писалъ онъ на сборникахъ стихотвореній, поднесенныхъ ему въ день его Ангела 1804 г. Глубокій любитель и тонкій цѣнитель красоты въ искусствѣ, онъ любилъ музыку, видя въ ней средство для воспитанія благородства въ личныхъ качествахъ человѣка внутреннихъ и наружныхъ. Какъ въ Троицкой семинаріи, такъ въ Виѣанской юные музы, по распоряженію м. Платона, занимались музыкою и заведены были оркестры, которые управлялись особымъ капельмейстеромъ съ назначеніемъ ему жалованья. Но заведеніемъ оркестра въ Виѣанской семинаріи не ограничился Платонъ въ своихъ заботахъ о развитіи въ ней жизни. У него явилось желаніе приобрести для семинаріи и дорогой музыкальный инструментъ—органъ, который въ церквахъ инославныхъ введенъ въ богослужебное употребленіе. Органъ, замѣняющій цѣлый оркестръ могъ придать особенную торжественность и музыкальное достоинство пѣсамъ, которыя исполнялись семинаристами, особенно во дни семинарскихъ праздниковъ.

Желаніе митрополита имѣть органъ для Виѣанской семинаріи исполнилось: по его просьбѣ извѣстная своимъ благочестіемъ и широкою благотворительностію графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская прислала ему въ даръ органъ сдѣланный въ Прагѣ и отличавшійся особенною звучностію и мелодичностію. Органъ, принятый Платономъ съ благодарностію, какъ знакъ усердія благочестивой графини къ

Визанской семинаріи, поставленъ былъ въ богословскомъ классѣ, гдѣ происходили публичныя собранія. Въ этомъ классѣ находились и другіе музыкальные инструменты: клавикорды, гусли, віолончель, которые вмѣстѣ съ украшавшими богословскую палату бюстами и барельефами уничтожены временемъ, или, лучше сказать безучастно равнодушнымъ отношеніемъ слабо развитыхъ людей къ тому, что насаждалъ умъ—геній¹⁾. Какъ отголосокъ преданій о музыкальномъ времени м. Платона среди воспитанниковъ Визанской семинаріи долгое время существовало преданіе, что Платоновскіе музыкальные инструменты сохраняются внутри подставки, на которой стоялъ органъ. Но ихъ тамъ не оказалось и легенду замѣнила фактическая исторія, которая пролила свѣтъ, куда дѣвались музыкальные инструменты временъ Платона. Одинъ изъ воспитанниковъ Визанской семинаріи, окончившій въ ней курсъ 1838 г. П. С. Казанскій въ своихъ запискахъ пишетъ: основатель нашей семинаріи, человекъ съ глубокимъ умомъ и теплымъ любящимъ сердцемъ, основывая ее въ уединенномъ мѣстѣ, желалъ, чтобы ученики развлекали себя невинными благородными удовольствіями и поэтому поощрялъ занятіе музыкою. Въ главной залѣ онъ поставилъ органъ, позволялъ заводить гусли, скрипки, флейты, гитары, на свой счетъ купилъ віолончель и треугольники. Съ его времени начальники семинаріи сами иногда въ свободное время собирали музыкантовъ семинаристовъ и слушали ихъ игру. Но бывшій при П. С. Казанскомъ ректоръ—почитатель памяти Платона, но чуждый его духа—и его не понимавшій „изломалъ мало-по-малу всѣ гусли, скрипки, гитары, разбилъ большею частію объ головы и спины игравшихъ. И притихли звуки музыки въ нашей семинаріи“. Притихли звуки, которыми высокая мысль и любовь къ изящному настроивала мысли и чувства юныхъ музъ на высокой мелодичный широкій тонъ и паденіе возвышеннаго тона сказало въ жизни семинаріи развитіемъ низменнаго. Высокая мысль и тонкое чувство просвѣщеннаго свѣтомъ сердечной благодатной вѣры созидателя національнаго духовнаго про-

1) По поводу столѣтія Визанской семинаріи въ одной изъ Московскихъ газетъ было сказано, что Платоновская школа имѣла задачей воспитывать пастырей европейски образованныхъ и въ своемъ внутреннемъ строѣ носила *религиозно-эстетическій* характеръ.

свѣщенія не скоро могли проникать чрезъ толщину уакихъ мудрованій и грубыхъ чувствъ не только его современниковъ, но и потомковъ. Но божественный огонь, который горѣлъ въ душѣ великаго строителя семинаріи окрылялъ мысль и возжигалъ сердца, не погасъ. Горѣніе огня великихъ мужей никогда не остается безъ вліянія на потомство и всегда отражается въ исторической жизни народа.

Воспѣвая славу отца Феба—Платона, любимый ученикъ отца писалъ:

Любовь есть гений нашъ: сей гений не умереть.
 Сей честный гений не умереть,
 Онъ наши мысли окрыляя
 Сердца Музы юныя распаляя
 Превысить молніи полеть;
 И духъ неся въ эфиръ, тамъ въ солнце разродится ¹⁾).

Въ Виѣанской семинаріи, кромѣ Платоновскаго корпуса, сохранился одинъ только вещественный памятникъ его славной дѣятельности—органъ, отъ котораго вѣетъ духъ времени основателя семинаріи. Сохранившіеся въ Виѣаніи памятники творческой дѣятельности самобытнаго духа Платона, во многомъ уничтоженные и измѣненные, стали слабымъ отраженіемъ его могучаго духа. Но здѣсь въ Виѣаніи вѣетъ духъ отъ его дѣятельности, какою онъ преимущественно ознаменовалъ себя въ исторіи нашей церкви. Въ широкой, разнообразной дѣятельности митр. Платона устройство духовныхъ школъ и ихъ организація занимаетъ первое мѣсто и потому болѣе всего обращали на себя вниманіе историковъ. Платонъ стяжалъ себѣ славу богослова, проповѣдника, замѣчательнаго администратора, но въ этомъ отношеніи славу съ нимъ раздѣляютъ и другіе замѣчательные архипастыри русской церкви. Но въ нашей отечественной исторіи не найдется равныхъ Платону по дѣятельности, направленной къ устройству духовнаго школьнаго образованія на началахъ церковно-національныхъ. Среди административныхъ дѣлъ управленіе школами Платонъ признавалъ „вождедѣльнымъ и пріятнымъ своимъ упражненіемъ“. Это былъ великій педагогъ-христіанинъ, совмѣщавшій въ своей душѣ всѣ качества, необходимыя для созиданія правильнаго школьнаго образованія: широкій просвѣщенный умъ и

¹⁾ Ода А. Казанцева.

пироту сферы его понятій, педагогическую и житейскую опытность и въ особенности, что болѣе всего нужно для педагога, сердечное чувство, чувство дѣтское. Чтобы вести дѣтей въ царство истины, добра и красоты — нужно, по слову Спасителя,—хранить въ душѣ дѣтское чувство. До конца своей жизни Платонъ сохранилъ это чувство и оно составляло одно изъ индивидуальныхъ свойствъ его духа. Виѣанскіе питомцы Платона поняли это свойство своего отца и въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ отмѣтили духовное сродство его съ ихъ юношескимъ духомъ.

Простымъ тонкимъ чувствомъ понялъ одно изъ глубокихъ отличительныхъ свойствъ его духа и простой народъ. Шель народъ ко гробу Платона не знаменитаго богослова, проповѣдника и администратора церковнаго, а чадолюбиваго отца, и несъ онъ къ его гробу рубашечки больныхъ дѣтей, съ искреннею вѣрою въ дѣйствительность небесныхъ молитвъ чадолюбца. Стекаются ко гробу великаго святителя русскіе люди разнаго званія и состоянія съ дѣтскимъ чувствомъ вѣры съ сердечной молитвою о упокоеніи души усопшаго славнаго дѣятеля земли русской, жизнь котораго тѣсно была слита съ жизнію народа и была яркимъ отраженіемъ несложной, сердечной вѣры народной.

Историческимъ центромъ, откуда исходитъ почитаніе великаго іерарха Платона, является всероссійская святыня—Свято-Троицкая Сергіева Лавра съ ея колонією, училищнымъ Спасо-Виѣанскимъ монастыремъ и основаннымъ при монастырѣ разсадникомъ духовнаго просвѣщенія. Единый цѣльный духъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандрита и главнаго Спасо-Виѣанскаго училищнаго монастыря Начальника объединилъ различные роды христіанской дѣятельности въ достиженіи одной общечеловѣческой цѣли жизни, указанной Спасителемъ: сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога и посланнаго Тобою І. Христа (Іоан. 17, 3). Виѣанія, тѣсно связанная съ именемъ Платона, постоянно и неизмѣнно хранитъ память о строителѣ своемъ и выразителѣ духовныхъ стремленій всего русскаго народа, доказательствомъ чего служитъ и настоящее собраніе въ день столѣтія со дня его блаженной кончины.

Прот. А. Бѣляевъ.